

Ю.Л. БУЛАХОВСКАЯ
(Киев)

АФОРИСТИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЬСКОГО СЛОВА
(на материале русской и украинской литератур
XIX–XX веков)

Среди филологов не умолкают споры о том, куда именно следует отнести *мастерство писательского слова*: к лингвистике или же к литературоведению (в смысле его изучения), и важно ли это, если речь идёт об изучении художественной литературы в целом? Безусловно, важно, потому что мы оцениваем резонанс художественного слова того или иного писателя не только в свете его тематики, содержания и даже метафорики, но и в разрезе того, как именно всё это воплощено в слове.

Важным мне представляется и такое понятие, как *афористичность* (в широком смысле), когда то или иное писательское «высказывание» выходит за узкие рамки произведения, становится *афоризмом* и входит в общественно-культурно-словесный обиход, далеко за пределами литературы. Очень часто афористичность писателя является *самоцелью*, например в басне: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь» (басня *И.А.Крылова*) или же в прямой инвективе *М.Ю.Лермонтова*: «А вы, надменные потомки... вы, жадною толпой стоящие у трона... и вы не смоете всей вашей чёрной кровью поэта праведную кровь!» («Смерть поэта»). Тематическая, метафорическая, наконец, философская афористичность заложена и во многих стихах *Ф.И.Тютчева*: «Природа – сфинкс. И тем она верней своим искусом губит человека, что, может статься, никакой от века загадки нет и не было у ней».

Нельзя сомневаться в том, что словесная *афористичность* прежде всего заложена в *поэтических жанрах*, а не прозаических и в драматургии: это диктует сама природа жанров: прежде всего, ритмомелодика поэзии и монолог с диалогом в драматургии, т.е. «прямая речь».

Приведём целый ряд примеров из произведений выдающихся *русских и украинских поэтов XIX–XX веков*. Лирика *А.С.Пушкина*: «Цветы осенние милей роскошных первоцветов полей...»; из «Евгения

Онегина»: «Зачем Вы посетили нас в глуши забытого селенья...»; саркастические – там же – о «хандре»: «и бегала за ним она, как тень или верная жена»; о Лариной-матери: «Она любила Ричардсона не потому, чтобы прочла...».

Эти *простые афоризмы* Пушкина хорошо известны и убедительны даже для тех, кто и не знает, и не помнит, что взяты они в «умственно-словесный обиход» именно из «Евгения Онегина».

Некоторые образные определения в «Демоне» *М.Ю.Лермонтова* – тоже применимы к другим, вполне «земным» людям: «Каким смотрел он мрачным взглядом, как полон был смертельным ядом вражды, не знающей конца, и веяло могильным хладом от неподвижного лица».

А как афористичны многие «социальные» картины в поэзии *Н.А.Некрасова*: «Выдь на Волгу: чей стон раздаётся над великою русской рекой? Этот стон у нас песней зовётся – то бурлаки идут бечевой!..»

Гражданская поэзия и лирика *Т.Г.Шевченко* тоже даёт массу примеров такой афористичности: «І чужому навчайтесь, й свого не цурайтесь»; «Як умру, то поховайте мене на могилі, серед степу широкого, на Україні милій, щоб лани широкополі і Дніпро, і кручі було видно, було чути, як реве ревучий»; «тихая» лирика Шевченко («Минають дні, минають ночі, минає літо, шелестить пожовкле листя, гаснуть очі...») и особенно его сатирико-саркастическая поэзия: «На всіх язиках все мовчить, бо благоденствує... « («Кавказ»).

То же самое в гражданской и медитационно-интимной лирике *И.Я.Франко*, например, афористические строки в поэме «Моисей»: «Все, що мав у життю, він віддав для одної ідеї. І горів, і яснів, і страждав, І трудився для неї». И тут же другой афористический образ в его же «Лирической драме» (как он сам определил свой стихотворный цикл «Зів'яле листя»): «Розвійтеся з вітром, листочки зів'ялі... Жебрак одинокий, назустріч недолі піду я сумними стежками...»

Большим мастерством *афористического слова в поэзии* была и Леся Украинка. У неё есть даже прямые «обращения к слову»: «Слово, чому ти не твердая криця...?»; «Слово, моя ти єдина зброе, ми не повинні загинути обоє!». Немало у неё и афористического сарказма в тех произведениях, которые непосредственно посвящены «назначе-

нию литературы» в обществе: «Не поет, хто забуває про страшні народні рани, щоб собі на вільні руки золоті надіть кайдани» («Давня казка») или же программное её стихотворение «Contra spem spero»: «Я на гору, круту крем'яную, буду камінь важкий підіймать і, несучи вагу ту страшную, буду пісню веселу співать».

Афористична во многом и украинская поэзия XX-го века в лице лучших её представителей, скажем, поэтические афоризмы *П.Г.Тычины*: «Перемагать і жить!»; «Усе міняється, оновлюється, рветься, усе в нові на світі форми переходить», и даже в медитационной лирике *М.Ф.Рыльского*: «Всохне Рейн, і ліси не шумітимуть; віще небо окутає дим, та брати мої вічно любитимуть – Лорелай – з гребінцем золотим». В медитационной и интимной лирике *В.Н.Сосюры*: «Її очей земна блакить...»; «Листя слухає вітру зітхання і згортає свої прапори»; у *А.С.Мальшко*: «Ми підем, де трави похилі...».

Конечно же, гораздо больше *афористичности*, вошедшей «в культурный обиход» вне самой художественной литературы, – в поэзии и драматургии *сатирической направленности*, например, в «Горе от ума» *А.С.Грибоедова*: во-первых, уже в самом названии его комедии, во-вторых, в высказываниях действующих лиц: «Служить бы рад, прислуживаться тошно»; «И дым Отечества нам сладок и приятен»; «Подписано, так с плеч долой»; «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Будут они и в гражданской лирике *В.В.Маяковского*: «...весомо, грубо, зримо», и в саркастических высказываниях *С.А.Есенина*: «задрал штаны, бежать за комсомолом», и в саркастически окрашенной его интимной лирике: «Ты за меня лизни ей нежно руку за всё, в чём был и не был виноват».

Обратим внимание и на афористические названия многих стихотворений и прозаических произведений русских и украинских писателей: «Сероглазый король» *Анны Ахматовой*; «З журбою радість обнялась» *Александра Олеся*; «Сонячні кларнети» *Павла Тычины*; «Далекі небосхили» *Максима Рыльского*; «Він іде» і «Коні не винні» *М.Коцюбинського*.

В украинской литературе начала XIX-го века (имеем в виду, например, «Енеїду» и «Наталку Полтавку» *И.П.Котляревського*), очень тесно связанную с фольклором, органически переплетается афоризм фольклорный с «авторскими афоризмами». Скажем, в «Енеїді» есть

немало пословиц и поговорок (и это естественно для травестийно-бурлескного произведения, по своему жанру и замыслу), но есть и немало афоризмов – *пера самого Котляревского*, вошедших потом в украинский культурный обиход: «Мужича правда есть колюча, а панська – на всі боки гнуча»; «Коли в руках чого не маєш, то не хвалися, що твоє».

Некоторые песни в «*Наталке Полтавке*» (пьесе-оперетте) сочинены самим автором: «Віють вітри, віють буйні...»; «Віє вітер горою...»; «Видно шляхи полтавські...»; «Ой, я дівчина Полтавка...», но их почти нельзя отличить от песен народных, органически «включённых» Котляревским в либретто пьесы: «Ой, під вишнею, під черешнею...»; «У сосіда хата біла...»; «Дід рудий і баба руда...».

В некоторые стихи-посвящения *Н.К.Вороного* (например, посвящение *И.Я.Франко*) органически включены и названия произведения самого украинского поэта и прозаика: «Стоптані перли, зів'ялі листки вслали його *перехресні стежки*...».

Об афористичности русской и украинской поэзии и драматургии, написанной в стихотворной форме («Горе от ума» А.С.Грибоедова), можно говорить ещё очень много. Но обратимся к *прозе и драматургии русских и украинских писателей*, внешне как будто на афористичность и не претендующей. Я имею в виду, скажем, отнюдь не афористическую прозу А.С.Пушкина, но и там можно найти авторские фразы, ставшие афоризмами.

Многие высказывания в «*Ревизоре*» *Н.В.Гоголя* стали общеизвестными афоризмами: «“Э!” – сказали мы с Петром Ивановичем»; «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?»; «взятки борзыми щенками» и многие другие высказывания в диалогах действующих лиц. Это же относится и к некоторым сатирико-юмористическим рассказам и «малой» драматургии *А.П.Чехова*. Напомним сами названия: «Дочь Альбиона»; «Беззащитное существо». В «Беззащитном существе», переделанном потом самим Чеховым в пьесу «Юбилей», характерны высказывания «главной героини»: «Я женщина слабая, беззащитная!» – произнесённые весьма громко и напористо. «Кофей сегодня пила, и без всякого удовольствия».

В чеховском «Медведе» очень показательны фразы «безутешной» вдовы в первой и последней сценах: «Тоби, Тоби! (Лошадь – Ю.Б.)

Прикажи ему дать сегодня лишнюю осьмушку овса» и: «Лука, скажешь там, на конюшне, чтобы сегодня Тоби вовсе не давали овса».

Афористичны и некоторые высказывания действующих лиц в чеховской «Свадьбе»: «Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном». Когда жених в «Свадьбе» требует удаления с празднества бывшего поклонника его невесты – телеграфиста Ять, то нынешний жених кричит: «Позвольте вам выйти вон!», а за сим следует авторская ремарка: «Музыка играет туш».

Хочу обратить внимание в заключение своей статьи и на некоторые произведения русской и украинской литератур XIX века – менее известных авторов или же менее известные произведения, тем не менее, как мне кажется, для *афористичности* очень показательные. Например, макароническую поэму *Ивана Петровича Мятлева* (1796 – 1844), о котором Лермонтов писал: «И Ишки Мятлева стихи». Речь идёт об его иронической поэме, написанной специально в макароническом стиле (помесь русской бытовой речи с «поверхностным» французским языком); «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею – дан л’этранжэ» (1840 – 1844). Улыбку вызывают формулировки подобного типа, вложенные в уста врача: «Вам понравится Европа. Право, мешкать *иль не фо па*, а то будете *малад*. Отправляйтесь-ка в Кронштадт». Смешны сочетания типично русских слов (из бытового арсенала) с французским артиклем множественного числа имен существительных: «*де* попы» и «*де* старушки». Мне при этом кажется, что определение поэтического творчества *И.П.Мятлева*, данное в «Литературной энциклопедии» 1934 года (т.7), как исключительно юмористического и салонно-невинного – поверхностно. Многие «замечания» госпожи Курдюковой о заграничье и о значении французского языка для России, скорее саркастичны, чем просто юмористичны. Они вполне ложатся в плоскость сатиры *Грибоедова* (смешенье «французского с нижегородским»); сатиры *Крылова* (пьеса «Трумф»), даже скрытой сатиры *Пушкина* в «Дубровском» по поводу французского языка в среде русского провинциального дворянства, а некоторые замечания «главной героини», например, о том, что Геттингентский университет (в Германии) расположен рядом с Домом для умалишённых (чтобы студентам и преподавателям *потом* далеко не ходить), – по-моему, весьма метки и выходят за пределы чисто бытового юмора.

Интересно, с моей точки зрения, и творчество *Ивана Фёдоровича Горбунова* (1831-1895), автора коротких сцен-зарисовок из провинциального и городского русского мещанского быта, рассказчика и актёра. Короткие рассказы и сценки Горбунова «входят» в общий стиль русского натурализма. Описываемую среду Горбунов, как правило, представляет в *диалогах* действующих лиц, в экстремальных ситуациях и несложных декорациях. Например, карета провинциального помещика с семьёй едет по скверной дороге, с ухабами. Сидящие в карете кричат кучеру, чтобы он был внимателен и осторожен, ибо карету качает из стороны в сторону. Кучер заверяет их, что всё будет в порядке – эту дорогу он знает хорошо и постоянно по ней ездит. Вскоре карета-таки падает на очередном ухабе, а кучер сокрушённо восклицает: «Кажинный раз на этом месте!». Смысл этого «изречения» кучера – намного шире диной конкретной ситуации: разве мы редко «спотыкаемся» и «падаем» на том же самом «уязвимом» месте, несмотря на наш богатый жизненный опыт?

Показательны в смысле «афористичных изречений» и пьесы *Г.Ф.Квитки-Основьяненко*, и не только «Шельменко-денщик», где главный герой так отвечает на вопрос мелкого помещика Шпака, любит ли Шельменко горячо что-либо в жизни: «Гроші, ваше благородіє! Любив, люблю і любитиму, аж поки, будучи, здохну», а и бытовая пьеса Квитки-Основьяненко «Сватання на Гончарівці». Там есть второстепенный персонаж – некий «спутник» Свата официального, т.н. «підбрехувач». Сват, явившись с ним к невесте, произносит длинную ритуальную речь, а его «помощник» только говорит потом: «*так-таки-так!*». Высказывание – несложное, но если воспринимать его шире, то многое напоминает в нашей жизни, и не только XIX века.

Говоря об афористичности высказываний выдающихся русских писателей (поэтов и прозаиков) XIX – XX веков, заметим, что некоторые из них, например, М.Ю.Лермонтов, С.А.Есенин и И.С.Тургенев, порой допускают ошибки фактического характера, которых не бывает, скажем у Пушкина (ни в поэзии, ни в прозе). Вспомним образное описание Терека у *Лермонтова*: «И Терек, прыгая, как львица, с косматой гривой на хребте, ревел». Река, действительно, бурная и сравнение образное: только у *львицы нет* гривы: она есть у *льва*, да ещё вокруг головы, а не на хребте. *Есенин* гово-

рит о собаке, которая плелась, «слизывая пот с боков». Когда собаке жарко, она высовывает язык, с которого обильно стекает слюна, а вот шерсть её – и в жару – остаётся сухой.

Тургенев пишет рассказ (из «Записок охотника») – о маленькой птичке, защищающей своего птенчика, выпавшего из гнезда, перед грозным охотником с ружьём и собакой. Всё производит впечатление на читателя, но ситуация – неправдива, ибо птенчики становятся взрослыми лишь к концу лета, а охота на зверя и птицу разрешена только к осени, когда «детёнышей» у птиц и зверей уже нет.

Помиримся, однако, на том, что художественная литература всегда условна, а метафорическая её образность, *облачённая в слово*, – намного шире по своему значению и звучанию, чем конкретные рамки конкретного художественного произведения.